

ВОПРОСЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СИСТЕМ РУССКОГО И КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье рассматриваются общие подходы сопоставительного изучения контактируемых языков для нужд лингводидактики.

В создании научно обоснованной методики изучения лексико-семантических категорий в классах с углубленным изучением русского языка в национальной (кыргызской) школе невозможно обойтись без сравнительно-типологического описания контактируемых языков. Ибо без сопоставления невозможны «... методическая адаптация и презентация изучаемого языкового материала, рациональная и эффективная система тренировочных упражнений, прогнозирование, профилактика и устранение интерференции, совершенствование лингвистических методов и приемов, в частности точного определения места и роли сопоставления на разных этапах обучения и в разных формах учебной работы» [1, с.226].

Сопоставление разноструктурных языков осуществляется различными методами. В одних работах преследуется цель выявить в основном сходные явления языков, в других – отличительные. Мы же в своей работе придерживаемся мнения Н.М.Шанского о том, что «... сопоставительное описание системы русского языка с точки зрения родного должно представлять собой характеристику и анализ всего дифференциального и общего. Только всестороннее и глубокое изучение сходства и различия может дать полную картину национального видения языка, позволит лингвистически апплицировать две семиотические системы как функционально однородные, хотя и не одинаковые, затем проецирование их в области теории и практики нашей науки» [1, с.221].

Сказанное особенно важно при сопоставительном изучении лексико-семантических систем контактирующих языков, ибо по сравнению с другими уровнями языка лексическая система «... является – в силу своей многослойности, подвижности и открытости – очень сложной. Многочисленность и многообразие слов и оборотов, их специфические особенности как значимых единиц языка, соотносительных не только друг с другом, но и с предметами объективной действительности, иерархически различными по своей системной сущности словесные объединения в виде синонимических рядов, антонимических пар, лексико-семантических групп, тематических классов, словообразовательных гнезд, структурно-семантических типов и лексико-грамматических разрядов, делаая изучение лексики ... трудным, обеспечивают в то же время его конкретность и приземленность. Абстрактно-поверхностное сопоставление изучаемого языкового материала (какое нередко наблюдается относительно фонетики и грамматики) здесь невозможно. Чтобы добиться положительных результатов, необходимо проанализировать каждый элемент и его эквивалент или аналог отдельно, особо, «поштучно»» [1, с.226].

Здесь уместно также вспомнить слова А.А.Реформатского о том, что: «В отношении лексики дело, конечно, не ограничивается тем, что русскому *ребенок* соответствует в эстонском *laps*, в тюркском *бала*, в немецком *kind*, во французском *enfant* и т.д. Все это так. Но гораздо интереснее также случаи, когда одной лексической единице одного языка соответствуют в другом языке две или более

единицы. «Идея такого сопоставления, - пишет далее автор, - была намечена Ф.де-Сосюром в его «Курсе общей лингвистики», когда он, иллюстрируя идею системности в разных языках, сопоставляет одно французского слово «*mouton*» и два его соответствия в английском: «*sheep*» «баран» и «*mutton*» «баранина» [2, с.29].

Отсюда сопоставление лексико-семантических структур двух языков – процедура довольно сложная. Сложность эта обусловлена еще и тем, что до сих пор нет сопоставительного анализа лексико-семантической системы русского и кыргызского языков, а также недостаточно полно описана лексико-семантическая система кыргызского языка.

В связи с этим сопоставлять два языковых явления на паритетных началах практически не представляется возможным. Поэтому мы при сопоставлении русского и кыргызского языков свое исследование направили главным образом в сторону выявления общего и специфического в контактирующих языках, которые обуславливают транспозицию и интерференцию в русской речи кыргызских учащихся.

Остановимся на понятии интерференция. Несмотря на то, что имеется большая лингвистическая и методическая литература, как у нас, так и за рубежом, среди ученых пока нет еще единого общепринятого понимания сущности интерференции. Можно выделить две группы ученых, придерживающихся широкого и узкого понимания этого явления. В широком понимании, «интерференция представляет собой все случаи обоюдного воздействия одного языка на другой в результате тех или иных различий между ними», в узком смысле это понятие определяется как «перенесение навыков родного языка на изучаемый, второй язык» [3, с.6-7].

Не останавливаясь подробно на данном явлении, мы заметим, что порождение интерференции свидетельствует о наличии сугубо специфических особенностей контактирующих языков, несовпадении смысловых структур, «несовместимости» тех или иных функций языка, т.е. интерференция – это «неправильности на неродном, изучаемом языке», обусловленные навыками родного языка.

Таким образом, термин «интерференция» нами понимается как отрицательный перенос навыков родного языка на изучаемый язык.

Явление транспозиции понимается как положительный перенос знаний, умений и навыков, полученных учащимися при изучении родного языка, во второй.

Как интерференция, так и транспозиция, представляют собой явления, проявляющиеся не в силу случайных индивидуальных особенностей изучаемого языка, а объективно вытекающие из специфики родного языка.

Следует отметить, что в практике преподавания неродного языка основное внимание обычно уделяется интерферентным явлениям, тормозящим усвоение того или иного языкового материала и вопросам их предупреждения.

Транспозиция же при обучении, особенно при обучении лексике, используется довольно мало. Между тем положительный перенос является одним из действенных факторов, использование которого, как показывает практика, в значительной мере облегчает и ускоряет усвоение иноязычного материала.

Итак, объективно существующие в русском и кыргызском языках лексико-семантические тождества или различия определенным образом влияют на восприятие и усвоение основных лексико-семантических понятий. В связи с этим задача заключается в том, чтобы выявить эти соотношения, установить степень и

характер влияния их на усвоение материала и построить на этой основе методику изучения лексико-семантических понятий в специализированных классах.

С учетом сказанного перейдем к рассмотрению общего и специфического в лексико-семантических системах в контактирующих языках.

Определяющее условие отбора и анализа лексического материала данного исследования - объективно существующие в рассматриваемых языках (русском и кыргызском) соответствия и несоответствия, обусловленные национальным своеобразием семантического содержания языковых единиц, выявленные на основе конкретного лексического материала.

Другим основанием для этого послужили условия обучения и возможности использования результатов сопоставления в классах с углубленным изучением русского языка в школах Кыргызстана, что было выявлено путем изучения состояния знаний, умений и навыков учащихся.

Сравнительный анализ лексико-семантических систем русского и кыргызского языков показывает, что одно и то же понятие в этих языках выражается специфически.

В последние годы в Кыргызстане появился ряд работ, посвященных этому вопросу. Так, например, в работе А.М.Сарыбаевой «Глаголы чувств в русском и кыргызском языках» [4], представляющей собой сравнительное изучение семантического поля чувств, делается вывод о том, что одно слово в одном языке может соответствовать комплексу слов или сложному слову в другом языке. Интересные наблюдения содержатся также в статье С.Жанкасиевой. Она, сравнивая глаголы движения в русском и кыргызском языках, установила, например, что при обобщении «... лексико-семантических выражений (ЛСВ) глаголов движения в лексеме дало 465 единиц в русском тексте и 284 единицы в кыргызском, что свидетельствует о большой разветвленности в полисемии в кыргызском языке» [5, с.49].

Причину своеобразия лексико-семантической системы Л.В. Щерба видел в том, что «мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках даже тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры» [6, с.49].

Слова различных языков функционируют по своим особым законам, выступая в каждом конкретном случае индивидуально и специфично. «В языках всех народов, сталкивающихся с деревьями, - пишет М.В.Солнцев, - есть слова, обозначающие деревья. Но в разных языках значения слов, связанных с обозначением деревьев, могут не совпадать» [7, с.125]

В силу того, что в лексических значениях слов находит свое выражение национальная самобытность языка, слова в этих языках имеют свои особые законы функционирования, которые в каждом конкретном случае индивидуальны и своеобразны. Своеобразие лексических значений, прежде всего, выражается в том, что для перевода значения слов одного языка на другой нередко приходится использовать слова и выражения, не совпадающие по своему вещественному значению. Например, слово «бежать» в прямом значении на кыргызский язык переводится словами *жүгүрүү*, *чурка*. Но другие значения этого глагола, которые гораздо больше на кыргызский язык передаются словами, относящимися к различным семантическим сферам, по своему значению не являющимися эквивалентами русского глагола *бежать*, например, бежать из плена – *туткундан качуу* (*бежать* передается глаголом *качуу*, что значит «убегать»). *Годы бегут – жылдар өтүватат* (годы проходят). *Вода бежит из крана – крандан су агыватат*. Здесь глагол *бежит* передается кыргызским словом *агыватат* (течет). Как

видно из приведенных примеров, глагол «бежать» в различных сочетаниях передается совершенно разными кыргызскими словами. Или возьмем глагол «идти»: в русском языке он обозначает движение, которое может совершаться в любом направлении. В кыргызском языке установилась иная точка зрения на распределение процесса, обозначенного в основе этого глагола в пространстве. Если *идти туда*, то в кыргызском языке употребляется глагол *баруу*: *дети идут в школу – балдар мектепке баратат, идти сюда*, то употребляется глагол *келуу*: *к нам идут пионеры – бизге пионерлер келетат*; а если *идти домой*, то употребляется глагол *кайтуу* (*возвращаться*): *я иду домой – мен үйгө кайтам*.

Специфическая для этих языков интерпретация действительности создает несовпадение семантического объема тождественных по основному значению слов контактирующих языков, а также предопределяет существование сложнейших отношений между различными семантическими сферами данных языков, обуславливает неэквивалентность значений разноязычных слов.

Так, в русском и кыргызском языках, как и во многих других, обнаруживается большое количество слов, соответствующих друг другу в основном номинативном значении. Ибо слова в таком номинативном значении прямо указывают на предмет (явление, действие, качество и т.д.), т.е. непосредственно соотносятся с понятием. Данное соответствие основано на имеющемся сходстве в членении действительности мышлением и способах и формах отображения такого членения в разных языках. Например, в русском и кыргызском языках имеются соотносимые слова *голова* и *баш*, семантическая структура или объем значений которых совпадает лишь частично. Однако главное значение этих слов одно и то же: «верхняя часть тела человека; верхняя или передняя часть тела животного». Применительно к этим словам в их основном значении можно утверждать, что в данном случае членение действительности мышлением и способ отображения этого членения в языке у русских и кыргызов одинаковые, хотя звуковое оформление данных слов различно. И о случаях соответствия или несоответствия отдельных вторичных значений слов *голова* и *баш* можно вести речь, лишь опираясь на совпадение их в исходном значении. При этом следует отметить, что не все слова с приблизительно одинаковой семантической структурой в русском и кыргызском языках имеют соответствия в основном значении, выраженном только одним определенным словом в каждом языке. Так, если взять в кыргызском языке слово *баруу*, выражающее в основном номинативном значении «движение в определенном направлении», которое вне связи с другими элементами не указывает на способ передвижения. Русский язык не располагает отдельным словом, основное значение которого было бы таким же, как и у кыргызского слова *баруу*. В нем значение движения в определенном направлении выражается дифференцированно, разными словами в зависимости от способа передвижения: движение при помощи каких-нибудь средств передвижения обозначается словом *ехать*, значение же «двигаться, переступая ногами», выражается словом *идти*. Данные дифференцированные значения передвижения выражаются в кыргызском языке словосочетаниями, состоящими из слова *баруу* и слов, означающих способы передвижения. Следовательно, строгого соответствия соотносимых лексических элементов *баруу – ехать* и *баруу – идти* в их основном значении нет.

Существуют слова, среди нескольких значений которых трудно выделить исходное, основное значение. Таким является, например, кыргызское слово *бышыруу*, которое выражает два самостоятельных номинативных значения «варить» и «печь», которые в русском языке обозначаются отдельными словами. Следовательно, здесь наблюдается такое соотношение лексических единиц двух

языков, в котором одна из лексических единиц имеет два или более самостоятельных номинативных значения (*бышыруу – варить, бышыруу – печь*). При данном соотношении слов с частично сходной семантической структурой в контактируемых языках также невозможно установить однозначные соответствия слов в основном значении.

Указанные расхождения в основном номинативном значении отдельных слов с частично сходной семантической структурой в разных языках обусловлены имеющимися различиями у носителей данных языков в членении действительности мышлением и в способах и формах отображения такого членения языковыми средствами.

Таким образом, постоянными или эквивалентными лексическими соответствиями в основном значении являются отдельные соотносимые слова двух языков, которые выражают одно и то же основное номинативное значение. Например, *саат – часы, китеп – книга, дептер – тетрадь, уй – корова, жумшак – мягкий, катуу – твердый, жазуу – писать*.

Соответствия в основных значениях больше наблюдаются в словах, обозначающих более конкретные понятия и принадлежащих к основному словарному фонду, к общеупотребительному пласту лексики. Например, в названиях животных: *кой – баран, тоок – курица, бука – бык, ит – собака, чочко – свинья, жолборс – лев, арстан – тигр, пил – слон, чымчык – птица, мышык – кошка* и др.; географические названия: *тоо – гора, суу – река, деңиз – море, зоо – скала, талаа – равнина, ой – ложбина*; название растений: *терек – тополь, кайың – береза, четин – рябина, балаты – елка, өрүк – урюк*; предметы домашнего обихода: *кашык – ложка, бычак – нож, чыны – пиала, кузгу – зеркало* и т.д.

Это что касается основных значений, которые устанавливаются нами непосредственно как название, обозначение предмета, явления или понятия без дополнительного указания на контекст и ситуацию, в которой происходит речевое общение. Оно при семантизации слова русскоязычными учащимися не вызывает особых трудностей. Для передачи прямого значения обычно имеется полная возможность найти эквивалентное ему слово или сочетание слов в другом языке.

Большую трудность для русскоязычных учащихся на всех этапах обучения представляют случаи, когда речь идет о передаче на другой язык фигуральных значений слов, которых, как правило, может быть не одно, а несколько. Ведь известно, что любое слово, как в русском, так и в кыргызском языке, если оно по своей природе не узко ограниченного значения, например, не терминологическое, обычно является носителем пучка значений и их оттенков. Так, например, в «Словаре русского языка» С.И.Ожегова для глагола *жить* [Ожегов С.И., 1990. – С.174] дано девять лексико-семантических значений. В словаре Юдахина К.К. слово *жашоо* осложняется тем, что многозначность слова, характерная для большинства слов, выражается в разных языках по-разному. В связи с этим справедливо высказывание о том, что “переход от одного языка к другому не есть простое, механическое “наклеивание” одних “ярлыков” на место других, т.е. не одни и те же, заранее данные, сами по себе ясно выделенные мысли. Напротив, в очень большом числе случаев приходится сталкиваться не только с различным изображением явно того же самого, но и с такими разными данными для оформления мысли, которые наталкиваются на образование не вполне одинаковых мыслей и не только заставляют “подчеркивать” в предметах, явлениях и отношениях их разные стороны, но и приводят к разной классификации, к разной “сортировке” соответствующих элементов действительности” [7].

Смысловая насыщенность словаря, разветвленность значений слов и их семантических оттенков в русском и кыргызском языках далеко не одинаковы. Если, например, взять русский глагол *распределить* и сопоставить его лексико-семантические варианты с тождественным по смыслу кыргызским словом *бөлүштүрүү*, то мы убедимся, что кыргызский глагол *бөлүштүрүү* “разделить между кем-нибудь, представить каждому определенную часть” других значений не имеет. А между тем глагол *распределить* в значении “направить на работу после окончания учебного заведения” (о молодых специалистах) передается в кыргызском языке составным глаголом *бөлүп жиберүү*, где *бөлүп* – делить, *жиберүү* – направить.

Отсюда учет национального своеобразия семантических особенностей слов контактируемых языков в русскоязычной начальной школе, для совершенствования устной и письменной речи приобретает исключительную важность в процессе обучения кыргызскому языку. Поэтому основное внимание при семантизации кыргызских слов в классах с русским языком обучения должно быть уделено не столько количественной стороне активного словарного запаса учащихся (что, конечно, тоже важно), сколько овладению богатством смысловых оттенков кыргызского слова, изучению наиболее употребительных переносных значений, данных в лексическом минимуме слов и способов их передачи на родной язык.

Как в русском, так и кыргызском языках слова употребляются в прямом и переносном значениях.

При сопоставительном рассмотрении слов с одним и тем же семантическим ядром в переносном употреблении в русском и кыргызском языках наблюдаются общие и специфические свойства. Так, если взять слова *лиса* и *түлкү*, то они употребляются в обоих языках в значении хитрого, лживого человека. Переносные значения в данном случае совпадают. А вот слова *горький* и *ачуу* одним и тем же прямым значением имеют разные переносные употребления: *горький* в переносном значении в русском языке обозначает горестная жизнь, доля (о человеке), в кыргызском языке *ачуу* не употребляется в данных значениях, а имеет свои особенные переносные значения, которых нет у русского слова. Например, *ачуу* в переносном значении употребляется в значении *гнев, злоба: ачуусу келди (он обозлился); ачууну акыл жеңет (злобу ум побеждает)*.

Соответствие или несоответствие тех или иных слов с одним и тем же семантическим ядром в этих языках по переносному употреблению обусловлено характером переосмысления данных слов. Когда носители обоих языков замещают в соответствующих словах одно значение другим и употребляют два разных понятия на основании одинаковых или сходных свойств предметов и явлений, выражаемых данным понятием, тогда тождественные по прямому значению слова разных языков имеют одинаковое переносное употребление. Так, и русские, и кыргызы, называя трусливого человека соответственно словами *заяц* и *коён*, имеют в виду одно и то же, сходное свойство животного и этого человека – трусливость. Точно также по общему свойству уподобляемых предметов «быть отверстием в иголочке для продевания нитки» и в русском, и в кыргызском языках метафорически употребляется слово *ушко* и *кулак* в значении *иглольное ушко – ийне кулагы*.

Как в русском, так и в кыргызском языках выделяются две основные формы переносного употребления слов: метафора и метонимия. Выделяются еще разновидность метонимии – синекдоха.

Суть метафоры, как было сказано выше, заключается в том, что наименование того или иного предмета или явления переносится на другой предмет или явление на основе их сходства.

Метафоризации в контактируемых языках, в основном, подвергаются слова, обозначающие наиболее широко употребительные понятия, явления, качества и предметы. В русском и кыргызском языках метафоры составляют в основном одни и те же лексические группы. Так, общим является переносное употребление спортивной терминологии: финиш, дистанция, старт.

Например: *Завод «Темир» взял хороший старт в новом году. (Завод «Темир» жаңы жылды жакшы старт менен баштады).* Как видно из примера, соответствие указанного переноса в кыргызском языке представляет собой заимствование. Это свидетельствует о том, что данное заимствование проникло в кыргызский язык с прямым и переносным значением. Таких заимствований в кыргызском языке немало.

Расхождения в метафористических наименованиях вслед за В.Г. Гаком [8] в русском и кыргызском языках можно свести к трем основным типам:

1. В пределах одной лексико-семантической группы метафоризации подвергаются разные слова. Так, в русском языке для выражения нежных чувств в обращении к женщине используются слова *голубь (голубка, голубушка)*. В кыргызском языке слово *көгүчкөн*, соответствующее в прямом значении слову *голубь*, такого метафорического употребления не имеет. Данную функцию в кыргызском языке выполняет слово *булбул (булбулум) – соловей*.

2. Слова, совпадающие в прямом номинативном значении в контактирующих языках, могут иметь разные метафорические значения. Например, если взять слово *черепаха – таш бака*. В русском языке слово *черепаха* имеет переносное значение, связанное с медленным движением (*идет как черепаха*). В кыргызском языке *ташбака (черепаха)* имеет переносное значение полного, обрюзгшего человека имеющий грубо оскорбительный оттенок, например: *Сен эмне ташбакадай отурасың? Ты что сидишь как истукан?*

3. Для выражения одного метафорического значения могут употребляться в русском и кыргызском языках разные слова. Так, в русском языке о молодце в народной поэзии употребляется слово *сокол* при обращении женщины к мужчине. В кыргызском языке это же значение передается словом *шумкар (кречет)*. Например: *Ты мой сокол* на кыргызском языке – *Сен менин шумкарымсың* (дословно: *ты мой кречет*).

При метонимии, где происходит перенос наименования того или иного предмета или явления на другой предмет или явление по смежности, в русском и кыргызском языках имеются как общие, так и специфические особенности.

Наиболее часто встречающиеся общности касаются следующих типов метонимического переноса:

1. Наименование учреждений переносится на помещение, в котором оно находится (*иду в кино – киного баратам*).

2. Наименование вместилища переносится на его содержимое: *казан кипит – казан кайнаватат, самовар кипит – самоор кайнаватат*.

3. Наименование учреждения, предприятия, помещения переносится на людей, работающих или находящихся там: *весь класс выбежал на улицу – бут класс эшике жүгүрүп чыкты*.

4. Наименование населенного пункта переносится на его жителей: *на субботник вышла вся деревня – субботникке бут айыл чыкты*.

Специфические свойства при метонимическом переносе в контактируемых языках проявляются в том, что прямому и переносному значениям слова одного языка соответствуют различные слова другого языка: *катуу киши* говорят о человеке жадном, скупом. Слово *катуу* в прямом значении в русском языке соответствует слову *твердый*, которое не имеет этого значения в русском языке.

Переносное значение того или иного слова одного языка невозможно передать в другом языке соответствующим словом из-за различий в нормах сочетаемости слов. Например: если для русского языка сочетание слов *умная* и *книга* является естественным явлением, то соответствующие им слова *акылдуу* и *китеп* в кыргызском языке не могут сочетаться, вследствие чего переносное значение слова *умная* в кыргызском языке приходится передавать словом *терең* (*глубокая*).

Учет вышеуказанных положений при сопоставительном рассмотрении русского и кыргызского языков поможет правильно определить направление более детального сопоставительного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шанский Н.М. Русское языкознание и лингводидактика. –М.: Русский язык, 1985. –239с.
2. Реформатский А.А. О сопоставительном методе //Русский язык в национальной школе. –1962. -№5. –С.23-33.
3. Дешершев Ю.Д., Протченко И.Ф. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия / Тезисы научной конференции, посвященной проблеме двуязычия и многоязычия //Ответ. ред. член-корр. АН СССР Ф.П.Филин. –М.: Наука, 1969. –С.5-8.
4. Сарыбаева А.М. Глаголы чувств в русском и кыргызском языках // Лексико-фразеологические исследования русского языка. –Фрунзе. –1982. –С.69-89.
5. Жанкасиева С. Глаголы движения в русском и кыргызском языках. // Сравнительно-типологические исследования русского и кыргызского языков. –Фрунзе, 1982. –С.46-62.
6. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. –М.: Наука, 1977. – 342с.
7. Смирницкий А.И., Ахманова О.С. О лингвистических основах преподавания иностранных языков. // Иностранные языки в школе. –1954. -№3. –С.41-51.
8. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского языка. – М.: Международные отношения, 1977. –264с.